

Теория и история культуры

Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-9-21>

УДК 94(47) “1950/1960” + 394

ББК 71.4(2)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Н.Л. Пушкарева

г. Москва, Россия

© 2025 г. А.В. Жидченко

г. Москва, Россия

**КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ НЕСТОЛИЧНЫХ ГОРОЖАНОК
1950–1960-Х ГГ.:
СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ И ТЯГОТЫ БЫТА**

Проект РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия», рук. Н.Л. Пушкарева.

Аннотация: Исследование культуры повседневности, в особенности — нестоличных регионов советской России, актуально и востребовано. Эвристически полезно для понимания темпов и содержания перемен изучить повседневно-бытовые практики через свидетельства женской коллективной памяти (устные воспоминания, дневниковые записи). Именно женщины выступают особо значимыми хранителями бытовой культурной традиции, именно они в мельчайших подробностях способны рассказать о культуре обыденного, связанного с каждодневностью и рутинными практиками (домашние обязанности, налаживание уюта, поддержание чистоты, приобретение и приготовление пищи, воспитание). В годы политической оттепели и после нее государством были предприняты первые шаги, нацеленные на облегчение женского домашнего труда. Насколько это удалось, насколько женская повседневность Сталинграда / Волгограда и его спутника, городка Волжского, зависела от желания сформировать в данном локусе образцовую городскую среду, что об этом вспоминается жительницами сегодня, предстояло выяснить аналитикам. Обращение к устной женской истории, к материалам коллективной женской памяти о событиях более чем полувековой давности обнаружило детали, ранее не фиксировавшиеся исследователями советской культуры быта, в частности — влияние его трудностей на изменение женских жизненных траекторий. В крупных городах эта корреляция была меньшей, более слабой, что давало женщинам шанс построить новую жизнь, реализовать себя самостоятельно и профессионально; в мелких — «быт заедал» женские жизни, сужая жизненные перспективы. Трюистичность подобного вывода не отменяет

значимости самой аналитики, подтверждая важность реконструкции культуры повседневности с учетом фактора пола.

Ключевые слова: нестоличная повседневность, Сталинград / Волгоград, Волжский, 1950–1960 гг., женский быт, эгодокументы.

Информация об авторах: Наталья Львовна Пушкарева — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

E-mail: pushkarev@mail.ru

Александр Владимирович Жидченко — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

E-mail: travel822@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.04.2025

Дата одобрения рецензентами: 29.09.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Культура повседневности нестоличных горожанок 1950–1960 гг.: социальный оптимизм и тяготы быта // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 9–21.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-9-21>

Введение

Культура повседневности — комплекс бытовых общественных практик трудовых и досуговых, речевых и поведенческих, вместе с осуждаемыми обществом поведенческими привычками и отклонениями от приемлемого — представляет интерес для исследователей как материал для понимания источников обновления культуры. О том, как происходило обновление бытовых практик в отдаленном и недавнем прошлом, социальные антропологи и культурологи размышляют, анализируя детали самого привычного, порой не рефлекслируемого индивидом, создающего контекст, фон для исторических событий. Детали обыденности рассыпаны (хотя часто и не фиксируются) в бесчисленных рассказах свидетелей, очевидцев, современников, и уже само выделение этих мелочей быта, деталей и подробностей, есть особая работа по восстановлению общей мозаики прошлого. В ней — «обмен впечатлениями и мнениями», которые «передают отзвуки уже почти исчезнувших культурных традиций» [13, с. 185, 209].

В рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом, мы ставим своей задачей сбор и изучение свидетельств культуры женской повседневности, поскольку именно женщины — основные хранители социо-культурной традиции, именно их запоминание деталей всего бытового, а после — воспроизведение этих деталей в воспоминаниях позволяют понять способы и формы конструирования идентичности (в нашем случае — идентичности советской, в памятное десятилетие Хрущевской оттепели и немного позже) [23, с. 691]. Культура женской городской повседневности того времени — тема, ставшая в последние годы по-своему модной [3, 6, 5, 7, 11]. Авторы стараются выяснить, как при высокой роли вмешательства государства в разные сферы индивидуальной жизни, в частности — в регулирование гендерных

отношений «сверху» [8], стала меняться личная сфера жизни индивидов [15, 17]. Мы считаем своей исследовательской задачей проблематизацию социокультурных проявлений половой принадлежности акторов истории и размышляем о том, как соотносились идеологически обоснованное достижение «достойного уровня жизни» жителей советской провинции с реально существовавшим женским бытом, который руководство впервые в советской истории целенаправленно попыталось тогда облегчить [11].

Этот аспект *культуры повседневности* уже стал предметом внимания зарубежных исследователей [16]. В России же бытовая культура горожан ставилась в центр аналитического изучения редко, хотя в обыденном сознании воспоминания о том времени явно присутствуют. Заметив, что старшее поколение неплохо помнит о постановлениях, касавшихся многодетных семей, о введении так называемого «продленного дня», *продленки* для школьников, о жилищном строительстве 1950–1960 гг., а также о директивных документах, касавшихся увеличения продолжительности декретных отпусков в 1970 гг., мы решили поставить этот аспект антропологии быта в центр исследовательского анализа. Какой видится *культура повседневности* прошлого современным россиянкам? Насколько тогдашние подвижки в сторону улучшения женского быта подпитывали «уверенность людей в прогрессивной перспективе развития общества», надежды на то, что «будут созданы благоприятные условия для реализации их творческих потенций и социально востребованы их профессиональные качества» [4, с. 34]? Повлияли ли попытки создать «образцовую городскую среду» на повседневную жизнь советских женщин в послевоенное время? Чтобы ответить на поставленные вопросы и реконструировать детали женских биографий полувековой давности, нужен не столько анализ победных реляций из тогдашних газет, нормативных документов, статистических данных и делопроизводственной документации, сколько воспоминания самих жительниц нашей страны в достопамятные годы Оттепели. Они собраны нами. Это рассказы жительниц крупнейшего промышленного центра — Сталинграда (с 1961 — Волгограда) и соседнего с ним небольшого городка Волжского. Одна из волгоградок — хирург З.С. Седельникова (1920–2006) — долгие годы вела дневник и в конце жизни передала его в местный архив. Отчасти помогают и визуальные материалы из домашних семейных альбомов.

Городская культура гидростроителей в 1950-е – 1970 гг.

В качестве примера для изучения женской нестоличной повседневности нами были взяты крупный индустриальный центр Сталинград / Волгоград и его город-спутник, Волжский. Построенный на левом берегу великой реки, бывший вначале поселком Верхняя Ахтуба, потом получивший имя Безродное, он в 1954 г. стал символом сосредоточения молодой энергии советского градостроительства. Названный Волжским, поселок гидростроителей привлек внимание даже журналистов центральных газет. О нем заговорили как о «сибирских Черемушках» [10]. Жизнь в Волжском нужно было обустроить с нуля, как и в полностью разрушенном во время войны Сталинграде (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 167. Л. 116–119). Старт стройке был дан Постановлением Совмина «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге» [1, с. 35], сразу названной одной из «Великих строек коммунизма». Численность горожан — а 22 июля 1954 г. Волжский стал городом — за полвека достигла 142,1 тыс. человек [26, с. 11].

Уже к началу 1960 гг., судя по фотографиям, многоэтажные здания в шестидесяти кварталах Волжского почти полностью заменили рабочие бараки, повсюду выросли библиотеки (ок. 300 тыс. томов), Дворец культуры с мраморным фойе и вращающейся

сценой, 4 кинотеатра, детские сады, парк культуры с фонтанами и скульптурами в духе сталинского «ампира»... Все это было создано за десятилетие, чтобы стать «витриной социализма» рядом с электростанцией на 2 млн. квт. Созданный «из ничего» город повидали многие лидеры дружественных стран — Дж. Неру и И. Ганди, Ф. Кастро и Че Гевара, Шарль де Голль и И. Броз Тито; лидеры Ирана, Йемена, Непала, Египта, Эфиопии [2, с. 22–25]...

Очевидцы описывали повседневную жизнь восторженно — как *«город, не знающий полутонов»*. В летнюю жару повсюду мелькали *«яркие лотки морожениц — голубые с белыми птицами мира»*, бесконечные клумбы — желтые гвоздики, розовые флоксы, белые роскошные калла. в парках радовали глаз раскрашенные активистками по благоустройству яркие скамеечки из синих, желтых и белых планок. В тон молодому городу были даже закуплены яркие двухцветные автобусы — бело-оранжевые и бело-голубые [28]. Волжский к началу 1960 гг. уже мало чем отличался от тогда же восстанавливавшегося Сталинграда. Дневниковые записи женщины-хирурга, переехавшей из Среднего Поволжья (Ульяновск) в Нижнее (Сталинград / Волгоград) в 1951 г., сохранили описание той разрухи, которую предстояло заполнить домами. *«Набережная очищена от руин, забором обнесен участок строительства, домов нет почти совсем, видно лишь, сколько сил уже приложено для расчистки и восстановления»* (1951 г.) (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 43, 47об.). Волгоград, разумеется, восстанавливался быстрее, чем строился маленький Волжский. Можно предположить, что и темпы смены культуры повседневности для женщин в крупном городе и маленьком городке сателлите были различными для их жительниц.

Образцовый женский быт в образцовом городе

Восстановление большого старого города и строительство нового в равной степени, похоже, были нацелены на создание «витрин социализма» (как это стало именоваться в 1990 гг.): подъем из руин и строительство архитектурных гигантов в Сталинграде подавалось как достижение социалистического строя и образа жизни ровно так же, как служило его прославлению возведение города на пустом месте. И в Сталинград (ставший Волгоградом в 1961 г.), и в молодой Волжский пропагандисты стремились как можно скорее привлечь рабочую силу. За время «Оттепели» крупный город увеличил свое население в 1,5 раза (к 1970 г. — 817 тыс. чел) [26, с. 11]; Волжский тоже старался не отстать, являя заманчивые перспективы повседневной жизни. Девушек манили неплохим снабжением, но в первую очередь — все той же возможностью получить свое жилье, необходимое для создания семьи. Долговременное отсутствие возможности получить свою квартиру воспринималось многими в СССР как норма — потому на «стройки коммунизма» зазывали именно предоставлением бесплатного жилья [9, с. 315].

Между тем, условия жизни девушек, приезжавших в начале 1950 гг. на восстановление Сталинграда, строительство ГЭС и Волжского, предстают из документов и воспоминаний весьма аскетичными. Жилье еще только надо было себе построить, и честные руководители (в частности, А.Ф. Логинов, начальник строительства Сталинградской ГЭС) делали все возможное, чтобы «рабочие жили по-человечески» [7]. Как переходный этап рассматривалось быстрое возведение коробок под будущие дома, внутренних перегородок в них не делали — превращали в женские общежития. Семейных старались все же обеспечить квартирами, а холостых (особенно мужчин) размещали на плавучих дебаркадерах. Девушки готовили там еду на корабельных кух-

нях (пока не было столовой), вручную стирали (о прачечных только мечтали), убирали в каютах [21, с. 145]. Открытие кафе в первом доме из керамзитовых панелей с типичным для того десятилетия названием «Молодость» считалось событием.

Условия труда приехавших на Волгу по комсомольским путевкам девушек были настоящим испытанием. Керамзитное предприятие — как и в омском Городке Нефтяников или в Салавате Башкирской АССР — предполагало труд в жарких, сильно запыленных помещениях со множеством горячих поверхностей, и именовался такой труд «на химии»¹. Вредные условия для здоровья были ассоциированы с высокими зарплатами, так что «на химии» работали многие (на «автобусах, трамваях, реже на велосипедах» ехали «туда в любую погоду»: непосредственно рядом с заводом не предполагалось строительства жилых помещений) [12]. Одна из респонденток, переехавшая в Волжский в 1959 г. из Костромы и обучавшаяся поначалу в химико-технологическом училище, рассказала: *«Жили на квартире, снимали с подругой. Платили по 10 рэ в месяц, а стипендию получали 36 рэ.»* [Людмила Васильевна]. На заводе Асбестовых технических изделий она нашла себе мужа, приехавшего по комсомольской путевке. *«Отдельную трехкомнатную квартиру»* они получили от завода через 9 лет. Велика ли могла быть она, если жилищной нормой в те годы было лишь 4,85 кв. м. [36, с. 4–6] — но ведь получили, причем бесплатно. Предложение в те годы не успевало за спросом, меж тем, руководство страны постоянно обещало *«Каждой семье — отдельную квартиру!»*² и действительно, с 1952 по 1970 г. своим жильем обзавелось не менее 126,5 млн. чел.

Социальный оптимизм как тенденция в рассказах вспоминающих проступает как следствие подобных позитивных установок, дополненных явной стабилизацией социальной реальности во второе послевоенное десятилетие. Это и сделало даже малый рост качества жизни в то время опорой для современных воспоминаний. К тому же в те годы респондентки были молоды. *«В гости часто ходили, собирались каждые выходные, ездили на природу. От завода давали путевки в санаторий, на море. Ходили в музыкальную комедию, драмтеатр, завод часто распространял билеты»*. Не было тревоги о завтрашнем дне — было ожидание, причем спокойное: в новом небольшом городке женщина чувствовала себя в безопасности (*«безобразия не было тогда»*). О своем тяжелом труде все вспоминают нехотя (*«да, смена заканчивалась в 12 часов ночи»*)³.

Девушкам, приехавшим из разных концов Советского Союза, предстояло учиться, работать в новом городе, строить личные карьеры. Но традиционные воспитательные установки на то, что мужчине нужно зарабатывать больше, а для этого ему нужно давать фору, были сильнее новых образцов распределения семейных ролей. Поэтому в рассказах волжанок часто встречался этот тезис [12, с. 26]. Женщины сознательно выбирали стратегию поведения не в пользу личных амбиций, а в пользу сохранения полноценной семьи. При этом бывшие тогда молодыми, а сейчас пенсионного возраста респондентки не без удовольствия и гордости сообщали об участии мужа в домашних делах: *«Муж мог и сготовить, и с детьми посидеть. Работали по сменам на одном заводе. Обязанности не распределяли — как получится. Я уходила, так он мог сготовить, убрать»*⁴. Успешные в карьерном отношении женщины (как, например,

¹ Галина Григорьевна, 1948 г. р., Омск // Авторский архив. 20.01.2009.

² Наталья Николаевна, 1960 г. р., Салават // Авторский архив. 19.05.2011.

³ Людмила Дмитриевна, 1948 г. р., Волжский // Авторский архив. 22.02.2020.

⁴ Там же.

директор одной из теплоэлектростанций, ставшая позже руководительницей Камышинской ТЭЦ З.Ф. Завадская) [14, с. 207], были, как правило, незамужними и бездетными [22]. Местный писатель Р.М. Дорогов (сам бывший строителем и нашедший себе жену тоже из того же социально-профессионального слоя) любил описывать в своих рассказах 1950–1960 гг. то, что видел рядом: девушек, которые клали в карман комбинезонов *«не только сверток с завтраком, но и тетрадку»*, потому что *«надо доучиваться, четыре часа работать, четыре часа слушать лекции»*, [21 с. 141].

В Волжском 1950 гг. почти не было семей, не связанных со строительством Сталинградской ГЭС, она возводилась руками тысяч женщин, которые трудились и на плотине, и на монтаже здания и оборудования, работали продавщицами и почтальонами, кому-то удавалось устроиться преподавать в школах. *«Жили на «зеленом» в бараке без удобств совершенно полных два года, — вспоминала одна из рассказчиц. А потом дали двухкомнатную хорошую квартиру в панельном доме, рядом школа была, детский сад, парк, дворец культуры»* [Людмила Дмитриевна]. Панельный дом она оценивает сейчас как *«хорошие условия»*, специально подчеркивает наличие инфраструктуры, поскольку после войны дефицит жилья был острейший [20, с. 1]. И в сравнении с жизнью в бараке бесплатное получение квартиры — важнейшее переломное событие ее молодости. Не без зависти смотрели в те годы на семью волжан Оксаны и Рювена Олингов: они (русская и голландец) познакомились в фашистском концлагере, быстро создали в Волжском семью и уехали на родину Рювена в Нидерланды. Едва пара поженилась в Волжском, администрация ГЭС поспешила *«при первой возможности»* предоставить необычной семье *«пятикомнатную квартиру с ванной и всеми другими удобствами»*, необходимой обстановкой и даже посудой, летом комитет профсоюза отправлял первых родившихся в семье Олингов детей на дачу, позже школьников — в пионерский лагерь [35]. По вечерам супругов можно было встретить *«на танцевальной площадке, в кино, клубе, в гостях у новых или старых друзей»*. Но семья все же отправилась в итоге в Нидерланды, где и воспитала пять дочерей и пять сыновей, [21 с. 144].

Между тем жизнь в Волжском у тех, кто уже получил свое жилье, быстро улучшалась (по воспоминаниям). Респондентки вспоминают, как радовались тому, что в их далеко не столичных магазинах 1960 гг. появилась новая мебель — *«простая, изящная, недорогая, низенькие удобные кресла, легкие лепестковые столики, пестрые, с цветным орнаментом драпировочные ткани»*: *«В 1971-ом получили квартиру, машину купили, муж ездил по командировкам, [на отдых] путевки давали», «из привезли много книг, ковер большой и шторы... В 1960-х труд облегчился! Телевизор и машину дали в подарок мужу от завода в начале 1970-х, быт улучшался — сами работали, сами жили»*⁵.

О том, как прошли те же годы в соседнем городе-гиганте Сталинграде / Волгограде, рабочие сегодня вспоминают не столь однозначно позитивно. Бытовые лишения чувствовались на всем протяжении 1960-х, да и 1970 гг., хотя кто-то продолжал жить в бараках, коммуналках, старых, не ремонтировавшихся домах, переживших войну. Конечно, работникам умственного труда, врачам — жилось лучше, чем рабочим. В дневниковых записях волгоградского хирурга (чьи запросы, конечно, были больше запросов рабочих на предприятиях) много описаний постоянной нехватки буквально всего — от одежды и продуктов питания до предметов мебели. Она писала, что и в 1970 гг. многое приходилось *«доставать»*, искать часами, стоять в очередях,

⁵ Людмила Дмитриевна, 1948 г.р., Волжский // Авторский архив. 22.02.2020.

записываться на покупку товаров, надеяться на выгодные знакомства (позволявшие взять без очереди или отложить, попросить привезти из другого города): *«Как появляется что-либо, очереди ужасные»* (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 138 об; Д. 14. Л. 113 об; Д. 15. Л. 69 об; Д. 15. Л. 179; Д. 16. Л. 15, 15 об; Д. 16. Л. 113 об.). *«В отсутствии холодильника в доме нет продуктов, кроме круп и овощей»* (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 21. Л. 177).

Она писала и о том, что нужного часто было не найти даже в столичных магазинах — а в Москву ездили за одеждой, обувью (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 45). Все труднее в «старых городах» Поволжья становилось тогда со снабжением мясом (*«Ничего мясного на рынке нет, за шпиком очереди, за гусем (всего у одной женщины) — тоже, хотя цена страшная!»*), с покупкой модной одежды. Тяга к модным вещам у работниц Волжского тоже была, вероятно, но не столь значимая, как для волгоградки (*«Досадно, что нечего одеть, нет плаща, нет летне-весеннего пальто — и негде взять»*) (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 6; Д. 31. Л. 138; Д. 33. Л. 207). О таких «мелочных запросах» не принято было писать в газетах и журналах, испытанное разочарование и расстройство от невозможности получить желаемое могли быть запечатлены (и скрыты до времени) только на страницах эгодокументов и просто в памяти (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 158; Д. 21. Л. 55; Д. 24. Л. 2).

Мода и развлечения волжанок в культуре повседневности периода Оттепели

В условиях перманентных нехваток то одного, то другого женщинам приходилось подолгу проводить время в очередях. В то же время коллективный досуг, подогреваемый и идеологией через СМИ, играл для женщин важнейшую роль и в социальной коммуникации, и просто в восстановлении сил. В новом городе Волжский молодые женщины часто легко соглашались после трудового дня вместе сажать деревья или даже убирать строительный мусор, чтобы по субботам, с чувством выполненного долга, отправляться уже на танцы во дворец культуры или в кино. Очевидно, что у представительниц образованного интеллигентного социального слоя больших нестоличных городов (как Сталинград / Волгоград) необходимость проведения досуга в уборках после рабочего дня никакого бы энтузиазма не вызвала (но и не была поводом не участвовать). А в провинциальном Волжском, который создавался руками его жителей, все было иначе.

Между тем волжанки вспоминают не без гордости, что к ним, весьма активно работавшим на строительстве Дома культуры, еще в 1958 г. приезжал знаменитый тенор Большого театра С.Я. Лемешев. Строителей ГЭС премировали возможностью бесплатно (или за число символические деньги) послушать выступления ведущих артистов страны (*«Работа у строителей ГЭС всегда была на первом месте, мы с мужем только и говорили о сроках пуска и ответственных заданиях, на семью времени почти не оставалось»*) [18]. Похоже, строительная программа Волгограда и Волжского, даря жилье, вселяла веру во власть, которая может выполнять обещания, поэтому печатному слову в газетах и журналах верили больше, чем слухам, а в начале 1960 гг. к пропагандистам светлого будущего добавилось телевидение. Частью досуга многих женщин (и в Волгограде, и в Волжском) стал просмотр телепередач. Если телевизор обнаруживался у кого-то в подъезде дома, то собиралось множество соседей: *«Дом был двух-подъездный трехэтажный, всех абсолютно соседей знали. [В одной квартире] жили муж с женой, у них не было детей, и они первые купили телевизор, весь подъезд ходил*

к ним смотреть... со своими стульями, табуретками, дети были на полу. Телевизор «Темп», они пускали всех! Пока не заканчивалась передача — мы не уходили» [23].

«Девушки все, как одна, в брюках, платочках. Алеют подкрашенные губы...» — таким видел Волжский современник-журналист [28]. Средний возраст волжанок тогда составлял 22 года («есть, конечно, и “старики”. Двадцатисемилетним уступают место в автобусе») [21, с. 146]. Желание модно одеваться вспоминается с охотой и подробностями через полвека: «Белье было обыкновенное трикотажное, лифы и трусы покупала. Очень часто меняла платья, не любила в одном и том же ходить. Отдавала в ателье ткань, мне кроили, дома сама шила. Была у меня швейная машинка, немецкая, «Зингер», от мамы еще. Помню, купила босоножки беленькие кожаные на каблук, удобные, мягкие, нигде не терли. Это в конце шестидесятых. Подруга была заведующей магазином, к ней все время ходила»⁶. В провинциальном Волжском и даже в соседнем Сталинграде / Волгограде найти качественную и модную одежду было сложно, иногда что-то удавалось приобрести с рук на рынке, именовавшемся толчок (в Волгограде, сообщили старожилки, такой был на Дар-горе). В дни отпуска или отгулов великой радостью были поездки в столицу, откуда привозили чемоданы желанной одежды. Женская память сохранила до мельчайших подробностей, что именно однажды было привезено из Москвы: «Кожаные очень красивые были, китайские, белые кружевные, туфли помню тоже <...> кожаные красненькие красивые». «За модой старались следить, — поясняла она. — Шили с журналов, маме говорила, искали материал. Был универмаг с отделом ткани... Помню мама купила капрон цветной, сшила мне платье на выпускной в 8 классе и помню еще чехословацкие лодочки молочного цвета, кожаные, «Цебо», я их обожала». Именно об одежде респондентки готовы вспоминать больше, чем о чем-то другом: «покупали чулки капроновые, пояса, трусы никогда не шили, только покупные были, нам еще присылали из Латвии, жена папиного брата покупала белье и присылала»⁷.

Девочек на уроках труда учили шить, так что что-то себе сшить умели в 1960 гг. многие, если не все выпускницы школ [9]. Самостоятельный пошив дома был для нестоличных горожанок своеобразной формой досуга, за которым они проводили немалую часть внерабочего времени. Причиной тому были слишком дорогая, немодная, не по фасону или низкого качества одежда, предлагаемая в магазинах. Сшитые вещи волжанкам хотелось показать — и таким местом часто оказывались, как следует из рассказов, открытые танцплощадки летом и дома культуры в холодное время года. «Белокурая тоненькая девушка с высокой прической колоколом, туфли — на высочайших каблучках, и ее спутник, веснушчатый паренек в черном костюме и белой сорочке». Живой оркестр мог выдать нехарактерную для провинциальной советской новостройки музыку — сыграть арию индийского гостя «в ритме самого негритянского из всех джазов» [28]. Осторожное допущение западных мелодий в далекие от столиц советские городки очевидно купировалось резким осуждением молодежи, которая ими увлекалась («резко вскидывают ногами, верхняя половина тела неподвижна, лица — маски. Девушки похожи на сомнамбул. Сомнамбул, модно причесанных») [28]. Такие формы досуга критиковались, но сами девушки не без оснований замечали: «Были бы другие хорошие танцы — ходили бы на них... А что еще делать? В театре — одно и то же, кино — сколько можно? Кино да кино» [21 с. 89].

⁶ Людмила Дмитриевна, 1948 г. р., Волжский // Авторский архив. 22.02.2020.

⁷ Людмила Дмитриевна, 1948 г. р., Волжский // Авторский архив. 22.02.2020.

Куда большим разнообразием отличался досуг старшекласниц и незамужних студенток нового советского города: *«Ходили на танцы, на каток, во дворец, хор, драмкружок — все посещали, ходили во Дворец культуры, ходили на плавание, легкую атлетику, баскетбол, волейбол»* [23]. «Спортизация», начатая в 1930 г., за 30 лет достигла пика [6]. Начиная с лета 1959 г. гидростроителей каждый год охватывала футбольная лихорадка, переживали за свою команду («Энергия»). Девушки становились активными болельщицами, приезжали на матчи в брезентовых костюмах прямо из котлована и занимали целые ряды на трибунах. Мальчишки приносили голубей и запускали их, когда в ворота противника прилетали мячи. «Бабушки, придя на стадион в тапочках, стойко выдерживали дожди и пекучее солнце. Вопли восторга оглашали округу при любом успехе», особенно в сражениях «Энергии» с волгоградским «Трактором» [21, с. 87–88].

А вот горожанки более зрелого возраста предпочитали походы в кино и театр, но с появлением в большинстве домов (с начала 1960 гг.) телевизоров, посещение кинотеатров ушло на второй план, досуг становился теперь более домашним, к прочему добавлялось и чтение (ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 115; Д. 30. Л. 11; Д. 31. Л. 74, 90). Однако даже в крупном нестоличном Сталинграде / Волгограде досуговый потенциал отличался некоторой бедностью. И все же многие постановки и концерты можно было ныне смотреть по телевизору, а не слушать по радио или на проигрывателе. Стоит отметить, что досуговые потребности горожанок удовлетворялись постепенно, впрочем, как и все остальные — в питании, одежде, жилье. Постоянная нехватка товаров была отличительной чертой женской нестоличной повседневности 1950–1960 гг.

Выводы

Культура женской повседневности крупного Сталинграда / Волгограда и его небольшого спутника Волжского в 1950–1960 гг. находилась в прямой зависимости от процесса формирования образцовой городской среды. *«Жили бедно, но дружно, помогая друг другу, как могли, вместе встречая тяготы жизни»* [19, с. 131]. Условия, при которых город был призван стать яркой молодежной неформальной столицей советских гидростроевцев, задавали тон быту, домашней обстановке, моде, досугу. Один из факторов, который выводит Волжский на первую строчку среди других новых советских городов, — переезд сюда женщин вместе с мужьями из-за границы (именно на родину самих женщин).

При анализе женской повседневности Волжского чувствуется наличие гендерных асимметрий; именно женщины готовы были отказываться от карьеры в пользу семьи, прикладывали усилия для продвижения супруга по служебной лестнице при сохранении желания женщин учиться, «расти над собой». Но при этом культуру женской повседневности отличала всепобеждающая готовность жертвовать повышением культурного уровня ради семейных ценностей.

Выявленная черта сближает Волжский с другими новыми рабочими городами середины XX в. в СССР [10]. При этом в соседнем и более крупном Сталинграде / Волгограде культура женской повседневности была немного другой; там были условия для выстраивания новой жизни, для самореализации и более высокого культурного уровня горожанок, для неполного, но все же равенства их с мужчинами в общественной жизни. Выводы об этих (выглядеющих предсказуемыми) различиях подтверждены жизненными примерами повседневной жизни провинциального советского города. Важность изучения культуры женской повседневности прошлого имеет большой научный

и управленческий потенциал. Восстановление деталей обыденной жизни показывает степень зависимости результатов, задуманных инициаторами обновления, от вектора намеченных тогда перемен. Переданный следующему поколению социокультурный опыт определил во многом консервативные элементы в развитии общества на индивидуальном и внутрисемейном уровне. Эти элементы пережили все реформации и перестройки и до сих пор сохраняются в семейных и общественных отношениях.

Список литературы

Исследования

- 1 *Башилыкова Т.А.* Волжскому — 50: Хроника. События. Судьбы. Волгоград: Издатель, 2003. 450 с.
- 2 *Башилыкова Т., Сакай И.* Мой Волжский. Волжский: Панорама, 2014. 166 с.
- 3 *Богдашина И.В.* Семейный и домашний быт горожанок Сталинграда / Волгограда: содержание и динамика перемен (1950–1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 28 с.
- 4 *Боташева Ш.Х.* Социальный оптимизм и пессимизм как философская антропология: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2002. 246 с.
- 5 *Виниченко И.В.* Советская повседневность 50-х – середины 60 гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 285 с.
- 6 *Доценко А.М.* Повседневная жизнь советского города начала 1950 – первой половины 1980 годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 32 с.
- 7 *Жидченко А.В.* Повседневная жизнь в новом городском районе проблемы формирования городской среды, 1950–1960 гг. (локальный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 32 с.
- 8 *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299–321.
- 9 *Лебина Н.Б.* Шестидесятники: слово и тело // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 3. С. 325–348.
- 10 *Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.* «Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 3. С. 393–407.
- 11 *Рафикова С.А.* Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2013. 489 с.
- 12 *Цыкалов Д.* Город Волжский и его обитатели // Город Волжский в зеркале истории. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2004. С. 81–85.
- 13 *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. 2007. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 14 *Юзефович Ю.А.* Энергия созидания. М.: Астрель, 2009. 400 с.
- 15 *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. United States: Harvard University Press, 1994. 256 с.
- 16 *Ilič M., Reid S., Attwood L.* Women in the Khrushchev era. Basingstoke; Hampshire; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
- 17 *Lapidus G.W.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. United States: University of California Press, 1978. 170 p.

Источники

- 18 «Ахтублаг», сотня НИИ и соревнования бригад: как строили Волжскую ГЭС? // Мир 24. Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZP6nwn-5ZloU6Dv8> (дата обращения: 25.06.2024).
- 19 *Воротников В.И.* Такое вот поколение.... Воспоминания. М.: Принт-Сервис, 1999. 332 с.
- 20 Все творческие силы на развитие жилищного строительства // Архитектура СССР. 1999. № 12. С. 1–2.
- 21 *Дорогов Р.* Луконин в Волжском // Отчий край. 1997. №4 (16). С. 84–92.
- 22 *Кручинина Е.* Открыт памятный знак в честь первого руководителя Камышинской ТЭЦ // Камышин. URL: <https://www.admkamyshin.info/index.php?newsid=1153355619> (дата обращения: 15.07.2024).
- 23 *Луковцева Т.А.* Оттепель // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2014. Т. 24 (Океанариум — Оясио). URL: <https://bigenc.ru/c/ottepel-protsess-demokratizatsii-v-sssr-a4abd9> (дата обращения: 15.07.2024).
- 24 *Марковский Н.* Город будущего // Культура и жизнь. 1961. № 11. С. 14–18.
- 25 Народное хозяйство Волгоградской области за 1966–1971 гг. Саратов: Союзчептиздат, 1973. 289 с.
- 26 *Суровцев Н.* Средний возраст — 22 // Волна: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1966. №9. С. 85–94.
- 27 *Хмельницкая А.* Не надо колесить по свету // Советская женщина. 1959. № 11. С. 22–27.
- 28 *Sosnovy T.* The Soviet Housing Situation Today // Soviet Studies, 1959. Vol. XI. № 1. P. 4–6.

© 2025. **Natalya L. Pushkareva**
Moscow, Russia

© 2025. **Alexander V. Zhidchenko**
Moscow, Russia

**NON-METROPOLITAN TOWNSWOMEN AND THEIR
EVERYDAY CULTURE:
SOCIAL OPTIMISM AND HARDSHIPS OF THE 1950–1960S**

Acknowledgements: RSF project 24-18-00212 “Women’s family memory in Russia in the 18th – 21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformation, social mission”, director. N.L. Pushkareva.

Abstract: The study of the everyday culture, especially in the non-metropolitan regions of Soviet Russia, is really in demand. It is heuristically useful for understanding the content of changes in study of everyday practices through evidence of female collective memory (oral memories, diary entries). It is women who act as particularly significant keepers of the everyday cultural tradition, it is they who, in the smallest details, are

able to report about the culture of ordinary, associated with daily and routine practices (performing household duties, establishing comfort, maintaining purity, acquiring and cooking, education). During the years of political thaw and afterwards, the state took the first steps aimed at the relief of female home labor. How much of this was realized, how much the female everyday life of Stalingrad / Volgograd and his satellite, the Volzhsky town depended on the desire to form an exemplary urban environment in this locus, what the residents recall about it now had to be find out by analysts today. Addressing oral female history, materials of collective female memory about events more than half a century ago discovered details that were previously not detected by researchers of the Soviet culture of household, in particular, the influence of its difficulties on changing female life trajectories. In large cities this correlation was smaller, weaker and gave women a chance to build a new life, to realize themselves independently and professionally, while in the small ones everyday duties narrowed the life prospects for women. The truism of such a conclusion does not cancel the significance of the analytics itself, confirming the importance of reconstruction of the everyday culture, taking into account the gender factor.

Keywords: Non-metropolitan Everyday Life, Stalingrad / Volgograd, Volzhsky, 1950s–1960s, Women's Everyday Life, Egodocuments.

Information about the authors:

Natalya L. Pushkareva — DSc in History, Professor, Chief Researcher, N.N. Miklukho Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Leninsky Ave., 32A, Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

E-mail: pushkarev@mail.ru

Alexander V. Zhidchenko — PhD in History, Senior Researcher N.N. Miklukho Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Leninsky Ave., 32A, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

E-mail: travel822@yandex.ru

Received: April 04, 2025

Approved after reviewing: September 29, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Pushkareva, N.L., Zhidchenko, A.V. “Non-metropolitan Townswomen and their Everyday Culture: Social Optimism and Hardships of the 1950–1960s.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 9–21. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-9-21>

References

- 1 Bashlykova, T.A. *Volzhskomu — 50: Khronika. Sobytiia. Sud'by* [Volzhsky is 50: Chronicle. Events. Fates] Volgograd, Izdatel' Publ., 2003. 450 p. (In Russ.)
- 2 Bashlykova, T., Sakai, I. *Moi Volzhskii* [My Volzhsky]. Volzhskii, Panorama Publ., 2014. 166 p. (In Russ.)
- 3 Bogdashina, I.V. *Semeinyi i domashnii byt gorozhanok Stalingrada / Volgograda: sodержanie i dinamika peremen (1950–1960-e gg.)* [Family and Home Life of Women in Stalingrad / Volgograd: Content and Dynamics of Change (1950–1960s): PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2022. 28 p. (In Russ.)
- 4 Botasheva, Sh.Kh. *Sotsial'nyi optimizm i pessimizm kak filosofskaia antropogema* [Social Optimism and Pessimism as a Philosophical Anthropogeme: DSc Dissertation Thesis]. Stavropol', 2002. 246 p. (In Russ.)

- 5 Vinichenko, I.V. *Sovetskaia povsednevnost' 50-kh – serediny 60-kh gg. XX veka: zhenskii kostium v modeliakh odezhdy i bytovoi praktike* [Everyday Life in the Soviet Union in the 1950s to Mid-1960s: Women's Clothing in Clothing Models and Everyday Practice: PhD Thesis, Summary]. Omsk, 2009. 285 s. Prosim ukazat' obshchee kol-vo stranits. (In Russ.)
- 6 Dotsenko, A.M. *Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda nachala 1950 – pervoi poloviny 1980-kh godov (na materialakh g. Kuibysheva i gorodov Kuibyshevskoi oblasti)* [Everyday Life in a Soviet City from the Early 1950s to the First Half of the 1980s (Based on Materials from the City of Kuibyshev and Cities of the Kuibyshev Region): PhD Thesis, Summary]. Samara, 2007. 32 p. (In Russ.)
- 7 Zhidchenko, A.V. *Povsednevnaia zhizn' v novom gorodskom raione problemy formirovaniia gorodskoi sredy, 1950–1960-e gg. (lokal'nyi aspekt)* [Everyday Life in a New Urban Area: Problems of Urban Environment Formation, 1950–1960s (Local Aspect): PhD Thesis, Summary]. Barnaul, 2013. 32 p. (In Russ.)
- 8 Zdravomyslova, E.A., Temkina, A.A. “Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve” [“State Construction of Gender in Soviet Society”]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3/4, 2003, pp. 299–321. (In Russ.)
- 9 Lebina, N.B. “Shestidesiatniki: slovo i telo” [“The Sixties: Word and Body”]. *Teoriia mody: odezhda, telo, kul'tura*, no. 3, 2007, pp. 325–348. (In Russ.)
- 10 Pushkareva, N.L., Zhidchenko, A.V. “‘Sozdali sebia i gorod’: zhenskii vklad v razvitie Magnitogorska 1950–1960-kh gg.” [“‘We Created Ourselves and the City’: Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950s and 1960s”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Series: Istoriia Rossii [Russian History], vol. 22, no. 3. 2023, pp. 393–407. (In Russ.)
- 11 Rafikova, S.A. *Povsednevnaia zhizn' sibirskikh gorozhan v 1960-e gg.* [Everyday Life of Siberian City Dwellers in the 1960s.: DSc Thesis, Summary]. Novosibirsk, 2013. 489 p. (In Russ.)
- 12 Tsykalov, D. “Gorod Volzhskii i ego obitateli” [“The city of Volzhsky and its Inhabitants”]. *Gorod Volzhskii v zerkale istorii* [The City of Volzhsky in the Mirror of History]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2004, pp. 81–85. (In Russ.)
- 13 Halbwachs Maurice *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)
- 14 Iuzefovich Iurij *Energiia sozidaniia* [The Energy of Creation]. Moscow, Astrel' Publ., 2009. 400 p. (In Russ.)
- 15 Boym, Svetlana *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. United States, Harvard University Press, 1994. 256 p. (In English)
- 16 Ilič Melanie, Reid Susanne, Attwood Linn *Women in the Khrushchev era*. Basingstoke, Hampshire, New York, Palgrave Macmillan Publ., 2004. 288 p. (In English)
- 17 Lapidus Gail Warshofsky *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. United States, University of California Press, 1978. 170 p. (In English)